

ПАСТОР как БОГОСЛОВ

ОБЗОР ДВУХ ПУБЛИКАЦИЙ

ОПЫТНЫЙ СЛУЖИТЕЛЬ СРЕДНИХ ЛЕТ СТОЯЛ ПЕРЕД выпускным классом, преподавателями и гостями во время выпускной церемонии в одной известной американской семинарии. Его пригласили выступить как представителя новой группы выпускников одной из самых популярных программ – «Доктор служения». Облаченный в новую мантию и элегантный докторский капюшон, он поднялся на сцену и произнес слова благодарности семинарии, слова, которые, по его собственному признанию, удивили его не меньше, чем других. Он всегда неодобрительно относился к семинариям и семинарскому образованию. Он предупреждал десятки молодых людей об опасности академической «башни из слоновой кости» и бесполезности науки для «реального дела» служения. Он высмеивал процесс аккредитации, делающий семинарии еще более академическими и изолирующий их от реальности. Он бичевал богословские умозрения, которые уводили от веры и подрывали ее. Почему же тогда он окончил семинарию? Он был здесь из-за практического «ноу-хау» подхода программы «Доктор служения». Он был здесь, потому что программа «Доктор служения» другая: она требовала не богословских рассуждений, не отвлеченного критического мышления, не бегства от будничной реальности повседневного служения. По правде сказать, отвлеченные курсы, вроде критической экзегетики, истории христианских доктрин и философского или систематического богословия не были включены в его программу обучения. Он изучал только полезные, важные курсы.

Выступающий не видел, как я поморщился. Он также не видел, что я с некоторым огорчением пожал плечами, реагируя на его непонимание важной взаимосвязи задач служения и богословия. Он не мог видеть меня, потому что я тихо сидел сзади него на сцене вместе с другими опечаленными обитателями «башни из слоновой кости». Я отметил про себя, что этот облаченный в прекрасную новую мантию выпускник, не вынес с собой ничего, кроме диплома и докторского капюшона. Он пришел и ушел, не претерпев внутренних изменений. Он был чрезвычайно доволен собой и представлял не только себя и некое количество студентов выпускных классов практически любой семинарии, но также воплощал глубокую проблему изучения богословия в Америке. Богословие было для него бессмысленным. Он собирался заниматься служением без него. Что он сделал не так? Что мы сделали не так?^[1]

Так начинается свою книгу об изучении богословия Ричард Мюллер, профессор исторического богословия в Богословской семинарии Кальвина в Грэнд-Рэпидс, штат Мичиган. Мне кажется, приведенный им пример актуален не только для США, но отражает отноше-

ние к богословию, достаточно широко распространенное в отечественных евангельских кругах. «Что общего у Иерусалима с Афинами?» — восклицал когда-то Тертуллиан, подчеркивая несовместимость двух традиций — библейского христианства и греческой философии. В наши дни немало найдется пасторов, которые готовы переформулировать фразу Тертуллиана следующим образом: «Что общего у пасторов с богословием?» Возможно, не каждый скажет это так прямо, но нередко их снисходительные ухмылки, адресованные преподавателям и руководителям богословских учебных заведений, а также настоятельные пожелания увеличить объем практических предметов в подготовке студентов и снизить объем «никому не нужной теории». Все это выдает их представление о сути пасторского служения.

К счастью, существует и альтернативная точка зрения, завоевывающая все больше сторонников. Достаточно широкий круг пасторов и богословов, мыслят иначе о сути пасторского служения и его основных задачах.^[2] К ним можно смело отнести и Кевина Ванхузера, известного отечественному читателю по книге «Искусство понимания текста».^[3]

^[1] Richard A. Muller, “The Study of Theology: From Biblical Interpretation to Contemporary Formulation” in *Foundations of Contemporary Interpretation* edited by Moises Silva (Leicester: Apollos, 1997), 539.

^[2] Избранные публикации по данной теме: Christopher A. Bealy, *Leading God’s People: Wisdom from the Early Church for Today* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2012) [русский перевод книги вышел в издательстве «Коллоквиум»: Билей К. «Отцы Церкви о пасторском служении» (Черкассы: Коллоквиум, 2012)]; John Piper and Don Carson, *Pastor as Scholar and the Scholar as Pastor* (Grand Rapids, MI: Crossway, 2011); Paul Brewster, *Andrew Fuller: Model Pastor-Theologian* (Tennessee: Broadman, 2010); Wallace M. Alston Jr. and Cynthia A. Jarvis, eds. *The Power to Comprehend with All the Saints: The Formation and Practice of a Pastor-Theologian* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2009); Michael Welker

and Cynthia A. Jarvis, eds. *Loving God with our Minds: Pastor as Theologian* (Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2005); Wesley Carr, *The Pastor As Theologian: Integration of Pastoral Ministry, Theology and Discipleship* (London, SPCK, 1989); Andrew Purves, *Pastoral Theology in the Classical Tradition* (Louisville: Westminster John Knox, 2001); Earl E. Shelp and Ronald H. Sunderland, eds. *The Pastor as Theologian* (New York: Pilgrim Press, 1988); Назаркевич Я. «Должен ли пастор быть богословом и как прекратить неграмотность с кафедры?» // Материалы Второго богословского форума «Богословие в богослужении» (9-10 ноября 2007, Киев). — Ровно: ПП ДМ, 2008. — С.97-107; об инициативе Центра пасторов-теологов, который объединяет единомышленников, пытающихся реализовать в собственном служении и популяризовать среди студентов теологических вузов модель пастора-теолога, см. <http://www.pastortheologians.com>.

Совсем недавно в издательстве Baker Academic вышла новая книга Кевина Ванхузера и Оуэна Стрэхена «Пастор как публичный теолог: обретение утраченного видения».^[4] Оуэн Стрэхен защитил докторскую диссертацию в области исторического богословия в Университете Троицы, он работает научным сотрудником в Комиссии по этике и религиозной свободе Южной баптистской конвенции а также публикуется под эгидой Евангельской коалиции (*The Gospel Coalition*) и является сотрудником Центра пасторов-теологов (*The Centre for Pastor- Theologians*).

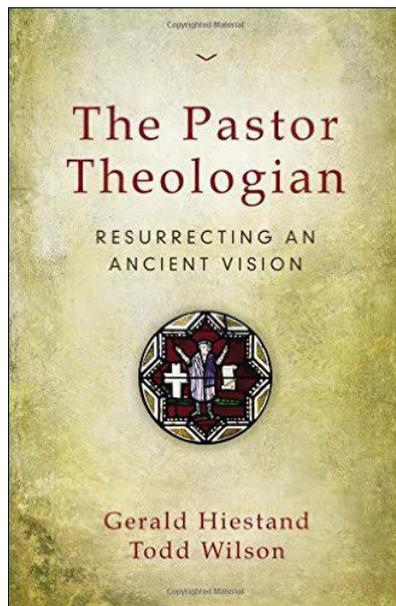
Вторая книга, на которую мы хотели бы обратить внимание: «Пастор-теолог: воскрешение древнего видения»,^[5] вышла в издательстве Zondervan. Ее авторы, Джеральд Хистэнд и Тодд Уилсон служат пасторами в церкви «Калвэри Мэмориал Черч» в Оук-Парк, штат Иллинойс, а также являются соучредителями Центра пасторов-теологов. Тодд Уилсон – старший пастор, он защитил докторскую диссертацию в Кембриджском университете. Джеральд Хистэнд – старший помощник пастора и исполнительный директор в Центре пасторов-теологов. Джеральд – докторант в Университете Кента, Великобритания.

О КНИГАХ

◆ Обе книги, как видно уже из названий, затрагивают одну и ту же проблему: представление о сути и функциях пасторского призвания и его связи с богословием. Обе книги представляют собой манифест и программу действий. Ванхузер и Стрэхен ставят перед собой цель «вернуть богословское наследие самому смелому профессиональному призванию в мире и пробудить церковь к этому крайне вызывающему, восхити-

^[3] Ванхузер, Кевин. Искусство понимания текста: Пер. с англ. – Черкассы: Коллоквиум, 2007.

^[4] Kevin J. Vanhoozer and Owen Strachan, *The Pastor as Public Theologian: Reclaiming a*

тельному и радостному призванию – быть евангельским пастором» (2). Книга адресована пасторам, поместной церкви и семинарии, в надежде, что они переосмыслят характер пастырского служения и вернутся к утраченной модели.

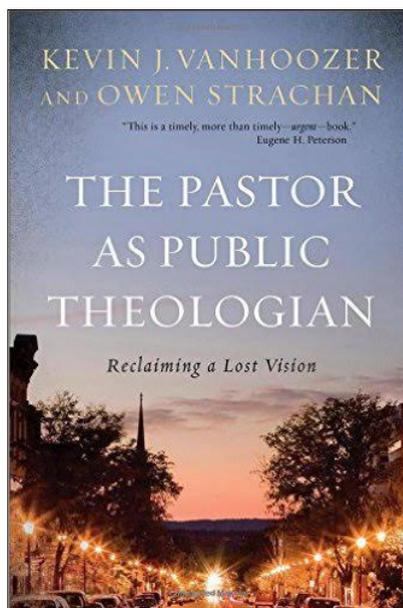
Композиционно книга «Пастор как публичный теолог: обретение утраченного видения» состоит из введения, четырех основных глав, которые объединены в две части, и заключения, обобщающего в пятидесяти пяти тезисах основные идеи книги. Книга следует привычному делению богословских дисциплин на библеистику (глава 1), историю церкви (глава 2), систематическое (глава 3) и практическое богословие (глава 4). Вводная глава ясно обозначает авторское видение сложившейся проблемы (3-15), очерчивает контуры ее решения (15-25) и указывает перспективу (26-27). Первая глава акцентирует роль пастора как служителя завета, проводя параллели со священником (40-43), пророком (44-46) и царем

Lost Vision (Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2015).

^[5] Gerald Hiestand and Todd Wilson, *The Pastor Theologian: Resurrecting an Ancient Vision* (Grand Rapids, MI: Zondervan, 2015).

(46-48). Вторая глава дает исторический обзор пасторского служения, подчеркивая, что «в различные эпохи истории церкви пастор был богословом» (70), а также доказывает, что пасторы были церковными интеллектуалами. Третья глава раскрывает цель и суть служения пастора-теолога: «культивировать жизнь и справляться со смертью» (104). Четвертая глава говорит о практиках пастора-теолога, включенных в Великое пасторское поручение: «делать учениками и созидать дом Божий» (141). Книга также включает рассеянные по всему тексту двенадцать коротких эссе, написанных действующими пасторами. Эссе иллюстрируют, что значит быть пастором-теологом. Темы и стиль эссе отражают личный опыт и контекст служения каждого из пасторов.

Книга Хистэнда и Уилсона «Пастор-теолог: воскрешение древнего видения» также адресована пасторам, преподавателям богословских учебных заведений и студентам-богословам. Композиция книги Хистэнда и Уилсона отличается: она состоит из девяти глав и приложения. В первой главе излагается авторское видение проблемы. Вторая и третья главы дают исторический обзор пасторского служения от первого до девятнадцатого века и фиксируют трансформации, приведшие к современному состоянию вещей. В четвертой и пятой главах рассматриваются два главных, по мнению авторов, вызова: богословская анемия церкви и церковная анемия богословия. В шестой главе дается классификация различных типов пасторов-теологов: местный пастор-теолог (81), популярный (*popular*) пастор-теолог (83) и церковный пастор-теолог (85). Седьмая глава подробнее останавливается на прояснении сути и необходимой подготовке церковного пастора-теолога. Восьмая глава касается проблем, связанных с выживанием и плодотворной деятельностью церковного пастора-теолога в контексте повседневного служе-

ния поместной церкви, а также дает практические советы. Наконец, заключительная девятая глава очерчивает перспективы движения пасторов-теологов, а также то, какой вклад в это могут внести преподаватели семинарий, сами пастора и студенты богословских учебных заведений. Приложение содержит обобщенные результаты анализа авторов из *Patrologia Graeca*, *Patrologia Latina*, а также в корпуса классических протестантских и контрреформационных текстов, которые легли в основу второй и третьей глав книги.

УТОЧНЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

◆ Авторы обеих книг соглашаются, что на данном этапе произошло существенное изменение в представлениях о роли пастора и ее связи с богословием. Вердикт Ванхузера и Стрэхена прямолинеен до жесткости:

Слишком многие пасторы променяли первородство своего призвания на миску чечевичной похлебки (Быт 25.29-34; Евр 12:26): навыки администрирования, стратегические планы, курсы по «лидерству», терапевтические приемы и тому подобное. Общины ожидают, что

их пастора будут обладать этими квалификациями, а если у пасторов есть степень магистра делового администрирования, то тем лучше. Не удивительно, что в сложившихся обстоятельствах начинающие пастора часто жалуются, что семинария не смогла подготовить их к «реальному делу» служения (1).

Более того, они констатируют, что «богословие было в той или иной мере изгнано из Иерусалима. Богословие находится в ссылке и, как результат, познание о Боге в церкви вошло в фазу затмения» (1). В свою очередь, Хистэнд и Уилсон согласны с такой постановкой проблемы, и уточняют, что причина сложившейся ситуации состоит в «распределении труда», когда пастор превратился всего лишь в менеджера среднего звена (11), призванного просто передавать на популярном уровне то, что было сказано богословами на уровне академии. Что же привело к этому?

Ванхузер связывает это с разделением богословия на академические (библейстика, богословие, история церкви) и практические дисциплины (пасторское богословие, миссиология) во времена Шлейермахера. С тех пор академические дисциплины связаны с теоретическими проблемами и решением научных задач, тогда как практические — имеют прикладной характер и готовят к конкретной деятельности. Богословие перекочевало на кафедры университетов. Именно поэтому большинство богословских трудов, написанных академиками для академиков, практически бесполезны для пасторов. «Институциональные власти и академические начальства развели то, что изначально было вместе по воле Божьей: богословие и церковную жизнь, библейстику и богословие, пастора и богослова», констатирует Ванхузер (7).

Хистэнд и Уилсон отмечают, что в результате сложившегося разделения труда и сведения функции пасторского

служения, свелись к простой передаче результатов академических изысканий. Именно поэтому многие талантливые молодые люди перестали рассматривать пасторское служение как реализацию своего призвания в качестве богословских лидеров церкви (15). Как следствие, и богословие и церковь страдают анемией: церковь — богословской анемией, а богословие — церковной (13).

Под богословской анемией церкви авторы понимают в первую очередь то, что богословское лидерство перешло к академическим теологам, хотя по их мнению «основное бремя богословского лидерства в церкви все еще возложено на пасторов» (57). Богословская анемия отражается на нравственной жизни церкви, то есть на ее упадке, и ответственность за этот упадок лежит на плечах пасторов, страдающих богословской анемией (58).

Хистэнд и Уилсон критикуют существующее представление о пасторах как «брокерах богословских истин» (Дэвид Уэлс), «местных режиссерах-постановщиках» (Кевин Ванхузер) или «менеджерах среднего звена», просто передающих богословские знания, полученные от коллег из академических кругов. С их точки зрения, все подобные попытки поднять значение пасторского сообщества только лишь еще больше закрепляют представление о богословии как исключительном деле академии: «Представление о пасторе как брокере просто помещает его на второй уровень, отводя роль менеджера среднего звена в отношении богословия. В этом видении не ожидается, что пасторы будут формировать свежий богословский синтез в свете современных интеллектуальных вызовов; это роль богословов в академии. Пасторы должны усвоить и распространить результаты богословской науки, а не заниматься ею самостоятельно» (62). Авторы настаивают, что именно пасторы, помимо профессиональных теологов и ученых, должны помочь церкви

сохранить богословскую и этическую цельность. «Куда пастор, туда и церковь» — суммируют они (57).

Церковная анемия богословия связана с двумя важными процессами, сопровождавшими миграцию богословов из церкви в академию. Прежде всего, это связано с социальным контекстом, в котором совершается практика богословия. Академия и церковь представляют собой разные миры и аудитории, говорящие на разных языках (Дэвид Трэйси). Социальный контекст академии определяет вопросы и исследовательские интересы теологов, и они кардинально расходятся с вопросами и интересами церкви. К тому же, академия относится к христианским верованиям в лучшем случае снисходительно, в худшем — враждебно, что также не может не сказываться на конечном результате работы академических теологов (73).

Во-вторых, академия и церковь используют разную богословскую методологию и фундаментальные предпосылки. Академические теологи вынуждены работать в рамках установленных методологических правил, и нередко результат этой работы для церкви имеет практически нулевую ценность. Как результат: «Богословие, решившее стать полностью академическим и научным в соответствии со стандартами современного университета, отсекает себя от своих великих исторических основ и становится бесплодным для Церкви» (76).

Помимо изменений в сфере богословия, Ванхузер указывает на трансформации представлений о роли пастора. По его мнению, увеличение количества образов, описывающих деятельность пасторов, среди которых на первый план выходят образы топ-менеджера, психотерапевта, политического агитатора (7) или даже медиа-магната и общественного активиста (8) свидетельствует об абсолютной путанице в понимании сути пасторского служения.

Широко известно, что образы формируют воображение и практику столь сильно и тонко, что люди невольно становятся их заложниками.

По иронии судьбы, активное использование методов и моделей современного менеджмента, организационной теории и психологических подходов привело к трансформации представлений о роли пастора не только в церкви, но и в учебных заведениях, которые стараются удовлетворить запросы церкви в подготовке служителей. Круг замкнулся. Большинство людей уже не видят связи между понятиями «пастор» и «богослов», ведь богословие ассоциируется с университетом, а не с пасторской деятельностью.

Наконец, в литературе и массовой культуре сформировался образ пастора как жалкого, недалекого и ограниченного человека, иногда даже комичного персонажа. Подобное восприятие усугубляется крайним недоверием постмодернистской культуры к публичным людям, связанным с общественными институтами.

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ

◆ По мнению авторов обеих книг ситуацию удастся изменить только в том случае, если удастся вернуть в церковь богословски мыслящих людей. Пасторское служение должно вновь обрести привлекательность для интеллектуалов, а богословие, в свою очередь, преодолеть «Берлинскую стену», которая разделяет не только академию и церковь, академические и практические дисциплины, но даже библеистику и богословие.

Для Ванхузера и Стрэхена пасторская функция тесно связана с призванием быть теологом. А быть христианским теологом, значит «искать, говорить и являть понимание того, что Бог делает

во Христе для мира» (17). В свою очередь, Хистэнд и Уилсон соглашаются с тем, что призвание пастора — осуществлять богословское лидерство в церкви (57).

И хотя на уровне понимания сути проблемы, использования идей, примеров и основной смысловой канвы, обе книги очень похожи между собой, справедливости ради следует отметить, что подходят к решению очерченной проблемы они по-разному. Ванхузер и Стрэхен предлагают решить сложившуюся проблему, введя концепцию пастора как публичного теолога и органического интеллектуала, тогда как Хистэнд и Уилсон фокусируются на роли пастора-теолога, предлагая собственную классификацию и практические шаги к реализации пасторского призвания.

ПАСТОР КАК ПУБЛИЧНЫЙ ТЕОЛОГ И ОРГАНИЧЕСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ

◆ Для прояснения функции и места пастора-теолога, Ванхузер и Стрэхен вводят два понятия: «публичный теолог» (*public theologian*) и «органический интеллектуал» (*organic intellectual*).

Следует понимать, что Ванхузер отходит от общепринятого представления о публичной теологии как «теологии в публичном пространстве и для него» (17), в рамках которой рассматриваются вопросы, актуальные для этого общества с использованием общепринятой формы дискурса и аргументации (18). В общепринятом смысле, публичная теология — это попытка выйти за рамки «приватизированной веры, ограничивающей ее вопросом индивидуального спасения» (17), где под публичным пространством понимается общество в целом. Ванхузер же предлагает отойти от такого понимания публичной теологии, ссылаясь на модель свидетельства, разработанную Мирославом Вольфом и Роуэном Уильямсом (20) и реализуемую

в жизни общины веры: «Публичная теология, как мы употребляем это понятие, — это “богословие составленное из людей”» (20). То есть, для Ванхузера именно церковь служит герменевтическим ключом евангелия и представляет собой отделенный народ, жизнь и свидетельство которого о Троицином Боге служит интересам широкого сообщества (21). По Ванхузеру, «Пасторы — это публичные теологи, поскольку они трудятся среди и для публики/общества/народа Божьего ради публики/народа повсеместно» (17). В этой связи цель пастора как публичного теолога достаточно ясна: «помочь общинам стать тем, чем они призваны стать» (21).

В понимании понятия «интеллектуал» Ванхузер следует за Солженицыным: «интеллектуал — это тот, кто говорит осмысленно и истинно о широких темах высшего социального значения» (22). Он уточняет это понятие, подчеркивая, что интеллектуал — это эрудит-универсал, знающий, как соотносить великие истины с реальными людьми. Таким образом, пасторы-теологи не просто гении или представители интеллектуальной элиты, получившей образование в лучших школах. Скорее они — доморожденные «органические интеллектуалы» (Грашши), «артикулирующие нужды, убеждения и ожидания социальной группы, к которой принадлежат. Органический интеллектуал выражает с помощью речи доктрины и чаяния сообщества» (24). Они разоблачают культурное господство всепроникающего мировоззрения и борются против него, «выступая на стороне униженного социального меньшинства. Они — пророческий и поэтический голос этого меньшинства, проясняющий ситуацию, выражающий цели и задачи общины, и побуждающий ее к действиям, которые согласуются с этим видением» (24).

В свете этого широкого видения, Ванхузер и Стрэхен видят служение пастора укорененным в его призвании служителя

завета, который провозглашает примирение и прощение, а также служит примером отделенной для Бога жизни подобно священнику (50-51), питает народ истиной подобно пророку (55) и свидетельствует о Царстве Божьем и старается воплощать в себе премудрость Божью, подобно царям (52). «...подобно древним служителям завета, пасторство — это служение, укорененное в богословских реалиях: спасении, мудрости и истине, другими словами — во Христе» (60). Существование человека в мире окрашено тревогой, к которой примешана постмодернистская апатия, характерная для нашего времени. И поскольку все это результат бытия-в-мире вне бытия-во-Христе, то данный широкий контекст определяет задачи пастора как публичного теолога: «пастор-теолог излечивает разочарованные души, делясь радостью воскресшего Христа. Это и есть конкретный и общий вклад в состояние человека: помочь мужчинам, женщинам и детям научиться, как справляться с краткостью времени, *искупая* его (КJV: Еф 5:16; Кол 4:5) и живя каждый момент в евангельском настроении (т.е., бытие-к-воскресению)» (108). Для этого он указывает на реальность во Христе, учит церковь понимать Божье Слово, окружающий мир и людей, а также призывает облечься в Божью мудрость, любовь и подражать Христу, сам служа примером этого. Все это для того, чтобы «помочь *стать реальными*, сообразуя слова, мысли и действия людей с желаниями и мыслями Христа, источником и стандартом всей истины, благодати и красоты» (125).

В качестве инструментов своего служения пастор-теолог использует традиционные пасторские практики, которые позволяют ему выполнять свои функции евангелиста, катехизатора, литургиста и апологета. Он *возвещает* то, что во Христе, опекая, посещая и проповедуя людям (152-161). Он *преподает* священное учение, противопоставляя его

ложным практикам (161-164). Он совершает литургию, *прославляя* то, что есть во Христе через собрание верных, молитву и Вечерю Господню (164-173). Наконец, он *демонстрирует* окружающим, что есть во Христе, выступая апологетом и указывая на «общину верующих как практический пример премудрости креста и господства воскресшего Христа: “Если Святой Дух не свидетельствует от Отце и Сыне через свидетельство христиан, тогда у христиан нет аргументов”» (174).

Представленное Ванхузером и Стрэхеном видение, вне всякого сомнения, очень масштабное и всеобъемлющее. Однако, в процессе чтения книги, особенно глав, посвященных объяснению цели и практик пастора-теолога, возникает ощущение, что такой масштабный образ пастора заслоняет собой церковь (141), более того, вступает в конфликт с представлением о предназначении всей церкви. Пастор как бы вбирает в себя все, что включает миссия церкви. Возможно такое изложение отчасти вызвано полемическим характером книги. Вполне может быть, изложенное видение отражает симпатии самого Ванхузера и других авторов книги к реформатской традиции, однако для читателя, сформировавшегося в традиции свободных церквей, такая фокализация миссии церкви в личности пастора выглядит, как минимум, странной и неприемлемой. Безусловно, пасторы имеют свою роль в формировании народа Божьего, однако они разделяют эту роль с другими служителями — пророками, евангелистами, учителями (Еф. 4:11) и всем народом Божьим.

ПАСТОР КАК ЦЕРКОВНЫЙ ТЕОЛОГ

◆ Хистэнд и Уилсон видят решение проблемы в возврате к историческому пониманию роли пасторов — осуществление богословского лидерства в церкви.

Для этого они вводят понятие пастора-теолога. Однако, опираясь на свой опыт, авторы отмечают путаницу, существующую в связи с этим понятием как среди обычных людей, так и среди самих пасторов. Для большинства пастор-теолог — это человек, имеющий богословскую подготовку и дары, а также интересующийся богословием (80). Авторы же акцентируют необходимость возврата к представлению о пасторе-теологе как таком человеке, который «занимается теологией не только как конечный потребитель, но также формирует и распространяет богословие для широких церковных кругов» (80). Для этого они вводят нюансированную классификацию пасторов-теологов: местный пастор-теолог (*local pastor theologian*) (81-83), популярный пастор-теолог (*popular pastor theologian*) (83-85) и церковный пастор-теолог (*ecclesial pastor theologian*) (85-87, 88-101).

Местный теолог — это пастор-теолог, формирующий богословие для прихожан своей поместной общины. Он имеет необходимую богословскую подготовку, библейски и богословски грамотен, а также способен проводить связь между библейской истиной и жизненным опытом. Он продолжает читать и учиться для профессионального и личного обновления и развития. Он также понимает, что идеи имеют практические последствия. Его главные инструменты — проповедь, пасторское попечение, консультирование и организационное руководство. Пасторы и члены других общин обращаются к местным теологам за богословской консультацией, но главное поле их деятельности — собственная община.

Популярный теолог — это местный пастор-теолог с более обширным ареалом влияния. Как правило, он имеет докторскую степень в области теологии, обладает хорошей богословской подготовкой, читает много специальной богословской литературы. В отличие от

местного пастора-теолога, он пишет богословские работы, пытается навести мосты между академическим сообществом и поместной церковью, и излагает результаты трудов академических теологов понятным языком, помогая понять применимость и важность богословских идей. Кроме того, такие пасторы-теологи пишут на темы, не затронутые академическими теологами: свидания, воспитание детей, брак, финансы и прочее.

Авторы считают, что первые два типа теологов достаточно широко представлены в евангельском сообществе, тогда как третий тип — практически исчезнувший вид. Поэтому их усилия направлены на возрождение именно церковного теолога.

Церковный теолог — это пастор-теолог, «совершающий пасторское служение в общине и, таким образом, находящийся в естественном социальном контексте, которому богословие призвано служить; церковный теолог — это *пастор*, который пишет богословские труды в диалоге с другими теологами, учитывая потребности церковного сообщества. Таким образом, церковный теолог включает деятельность местного и популярного теологов, но выходит за рамки этих моделей» (85). Служение в поместной церкви — социальный контекст церковного теолога и источник, подпитывающий его богословские труды на благо Церкви. Он пишет для других богословов и ученых, черпая из богатой богословской сокровищницы церковной традиции, трудов других богословов, а также наиболее актуальных светских ученых.

«Церковный пастор-теолог представляет собой возврат к тем дням, когда пасторы писали богословие, которое богатым в богословском смысле, глубоко библейским, исторически осведомленным, осознающим культурные особенности, подчеркнута пасторским и пророческим» (86).

Уточняя, в чем именно состоит особенность деятельности церковного пастора-теолога, Хистэнд и Уилсон формулируют восемь тезисов. *Тезис 1: Церковный теолог обитает в церковном социальном контексте.* Это значит, что он, прежде всего, пастор, и это призвание определяет характер его деятельности как теолога. *Тезис 2: Церковный теолог отдает приоритет церковным вопросам.* Именно пасторские интересы придают форму и организуют труд церковного теолога. *Тезис 3: Церковный теолог стремится к ясности, а не к утонченным различиям.* Для него важнее не обезоружить потенциальных критиков, а прояснить и акцентировать весть церкви. *Тезис 4: Церковный теолог богословствует как проповедник.* Другими словами, он возвещает, а не рассуждает, поэтому его цель — правильный образ жизни (*orthopraxy*) и славословие (*doxology*). *Тезис 5: Церковный теолог учится у Церкви,* черпая не только из ее современных источников, но и из сокровищницы традиции. *Тезис 6: Церковный теолог преодолевает границы профессиональных гильдий.* Безусловно, он обладает экспертными знаниями в одной из областей богословия, однако в силу своей деятельности он обязан выходить за рамки специализации и синтезировать богословские знания, служа Церкви. *Тезис 7: Церковный теолог трудится в связке с другими академическими теологами.* Два простых факта служат причиной этого партнерства: во-первых, именно академия обладает ресурсами, необходимыми для труда церковного теолога; во-вторых, академические стандарты позволяют церковному теологу оставаться честным в своей деятельности. *Тезис 8: Церковный теолог имеет дело с самосозерцанием,* изучая не только труды других богословов, но и себя самого.

Понимая, что подобное двойное призвание церковного теолога требует серьезной концентрации усилий и помо-

щи как со стороны коллег, так и со стороны поместной церкви, авторы предлагают ряд практических советов, а также примеров, как именно заниматься богословием, совершая служение пастора и церковного теолога. Вот эти рекомендации: защитите докторскую степень — это станет основой служения в качестве церковного теолога; сформируйте команду, исходя из своего видения и призвания церковного теолога; присоединитесь к группе единомышленников и поддерживайте эти связи; оберегайте время своих занятий богословием; читайте церковных теологов и прочие книги; планируйте творческий отпуск для написания книг; организуйте интернатуру пастору-теологу; заручитесь поддержкой церковного совета. Но самое главное — не терять из виду свою церковь, ведь это главное призвание церковного теолога.

Предложение Хистэнда и Уилсона представляется более цельным и реалистичным. Оно основано на историческом анализе пасторского служения и указывает на его трансформации на протяжении истории, увязывая их с изменениями роли академии в формировании богословия. Эта модель в большей мере чем модель Ванхузера и Стрэхена отображает исторический идеал пасторского служения. К тому же предложение Хистэнда и Уилсона направлено на преодоление рва между церковью и академией и формирование нового поколения молодых интеллектуалов, видящих свое призвание в реализации утраченной модели служения церковного пастора-теолога. Усилия в этом направлении могут принести положительные результаты уже в этом поколении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

◆ Выход рассматриваемых в этой статье-обзоре двух книг свидетельствует, с одной стороны, о формировании определенного консенсуса в богословских

и пасторских кругах американского евангельского движения, с другой стороны, указывает на наличие серьезных проблем в богословском образовании в целом и представлениях о пасторском служении в частности.

Четырнадцатилетний опыт работы в системе богословского образования позволяет мне утверждать, что ряд проблем, затронутых в книгах, актуальны и для отечественных богословских учебных заведений. Формирование богословских программ на начальном этапе было тесно связано с простым переносом в наши реалии западных моделей, вместе с которыми были унаследованы и глубинные проблемы: разделение на богословские дисциплины, возвышение академических дисциплин и пренебрежение прикладными, недооценка церковного контекста для формирования актуальных богословских вопросов. Работа в учебном заведении стала привлекательным карьерным выбором для многих одаренных студентов. Настолько привлекательным, что пасторское призвание и служение в церкви ушло на второй, а то и третий план. На каком-то этапе учебные заведения стали слишком самоуверенными в собственных силах и устойчивости. Жизнь поправила это заблуждение. К счастью, уже более десяти лет я могу наблюдать активные попытки сближения учебных заведений с церквями. Не всегда это проходит гладко и успешно, но процесс идет и, хочется надеяться, что он необратим и вскоре принесет плоды как церкви, так и семинарии.

Но было бы несправедливо сваливать все проблемы исключительно на учебные заведения. Фраза о богословской анемии церкви заставляла меня не раз и не два думать об отечественных церквях. Мне нередко приходилось быть свидетелем того, как в поместных церквях с уст пасторов или проповедников слетали снисходительные ремарки, а иногда и едкая критика в адрес богосло-

вия в целом и богословских учебных заведений в частности. Это удручало тем более, что говорили об этом те, кто должен бы формировать богословие поместной церкви. Очевидно, подобное критиканство ни к чему хорошему ни приводит. Церквям и церковным лидерам не мешало бы посмотреть на себя и дать честную и беспристрастную оценку. Строго говоря, если использовать классификацию Хистэнда и Уилсона, большинство пасторов отечественных поместных церквей худо-бедно справляются с функцией поместных теологов, но мы практически не знаем тех, кто соответствует категории популярного теолога, а о церковных теологах пока приходится только мечтать. Что касается нарисованного Ванхузером видения, то оно вообще выглядит для нас на данном этапе как научная фантастика.

Тем не менее, осознание современного состояния вещей не должно повергать в уныние. Изложенные выше идеи авторов могут стать хорошим отправным пунктом для обсуждения данных проблем в кругу заинтересованных людей. Наверняка нам стоит не ждать идеальных условий, а просто пытаться начинать с того места, на котором находимся. Формирование групп заинтересованных пасторов, видящих потребность и чувствующих призвание совершать труд на ниве богословского лидерства, может дать старт движению, которое в течении нескольких поколений способно изменить лицо украинских церквей. Обсуждение этих идей среди преподавателей богословских учебных заведений даст шанс переломить привычные схемы и разрушить барьеры между дисциплинами. Совместные встречи думающих пасторов и церковно ориентированных преподавателей семинарий послужат преодолению стереотипов и обогащению представлений обеих групп. Осознание проблемы – первый шаг на пути к ее решению. Перспектива обозначена, кто пойдет?